

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская академия наук
Институт восточных рукописей

МОНГОЛИЯ В ЖИЗНИ Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ

*Воспоминания,
письма,
фотографии*

Санкт-Петербург
2019

6. Люся

Когда монголисты — ученики Людмилы Константиновны Герасимович обратились ко мне с просьбой написать что-нибудь для посвященного ей сборника, я с радостью согласилась: приятно, когда добром поминают учителя, уже ушедшего из жизни, причем не вчера ушедшего (значит, это настоящий учитель!), и мне казалось, что написать будет не трудно, столько накопилось всего за долгую жизнь. Но когда я стала вспоминать, то поняла, что цельной киноленты не получается, она вся разлетается на отдельные кадрики, которые, сами по себе яркие, не хотят складываться в нечто определенное, логически последовательное.

1945 год. Я перешла на 2-й курс арабского отделения. Университет уже вернулся из Саратова. Среди массы первокурсниц, наводнивших в тот год наш факультет (а среди них много было забредших сюда случайно), мое внимание привлекает серьезная монголистка в золотых очках весьма строгого вида, как будто даже суховатая в общении с окружающими. Она состоит в ВКП(б), хорошо учится, занимается общественной работой, ведет правильный образ жизни — словом, образцовая советская студентка. По окончании совершает первый шаг вверх по карьерной лестнице — поступает в аспирантуру и пишет диссертацию по современной монгольской литературе.

И тут, в конце аспирантуры, судьба могла бы сблизить нас. В это время докторов по литературе мало, первых оппонентов подобрать трудно, и два профессора филфака заключают соглашение: у меня будет первым оппонентом проф. П. Н. Берков, руководитель Людмилы Константиновны, а у нее — мой отец, проф. А. С. Долинин. Люся пару раз заходит к нам домой по диссертационным делам, все такая же серьезная и строгая, я в этих разговорах не принимаю участия, и общения у меня с ней не получается. После кандидатской защиты судьбы

у нас складываются одинаково — мы обе остаемся работать в университете. И начинается рутинная факультетская жизнь: языковые занятия, лекции и подготовка к ним, недостаток учебных пособий, проверка и защита курсовых и дипломных работ и множество консультаций, теоретические семинары для преподавателей, доклады, конференции, обязательная по тем временам общественная работа — да мало ли всего!

Из разрозненных кадров нашей тогдашней напряженной жизни мне ясно видится один, нерабочий: начало Люсиного романа с ее будущим мужем, Львом Абрамовичем Березным. У них абонемент в Филармонию на концерты из произведений Рахманинова в ложе справа от сцены, и у меня с моим спутником тот же абонемент, но на хорах слева от сцены, так что мы оказываемся друг против друга на доступном взору расстоянии, только я повыше — чудный наблюдательный пункт! Люся страшно стесняется, первое время даже прячется за спину Льва Абрамовича, а мне смешно, ведь и так все всё знают. Но эта неожиданная для меня Люсиная стеснительность заставляет приглядеться к ней пристальнее и лишней раз задуматься о возможной обманчивости первого внешнего впечатления.

Дальше разматывается лента и сыплются разрозненные кадрики. Люся движется вверх по карьерной лестнице. В 1973 г. она становится заведующей кафедрой, причем становится вполне заслуженно, и зависти к ее успеху у меня никакой нет, как нет зависти к своей новой заведующей О. Б. Фроловой, сменившей прежнего тяжело больного В. И. Беляева. Я считала, что О. Б. превосходит меня только по одному, обязательному для заведующего кафедрой в 70-е гг. признаку — членству в КПСС. Так же и Л. К. превосходила свою «соперницу» по возможному заведованию кафедрой прежде всего по этому признаку. Та была филологом, прежде всего — языковедом и рукописником; Люся же — прежде всего литературоведом, ее интересовало, как я поняла позже, биение живой жизни, ход современной мысли, ее политическая, социальная и эстетическая окраска. Изучая творчество современных монгольских писателей, которыми до нее в Ленинграде никто не занимался, да и вообще в Советском Союзе почти никто, она буквально ступала по целине и постоянно совершала то маленькие, то серьезные открытия. Я смело могу об этом говорить, не будучи монголисткой, потому что через мои руки прошли тексты всех ее монографий и многих статей: Люся предпочитала за отзывами для издательства обращаться именно ко мне; хочется думать, что не потому только, что я занималась тогда тоже литературой XX в. — а так разворачивалась кинолента нашей общей судьбы: Люся верила, что я прочту ее работу внимательно и добросовестно и выскажу свои замечания

и суждения прямо, доброжелательно и искренне, без деланной изощренной вежливости или камня за пазухой — так учили на нашей кафедре, нас вообще хорошо учили. Постоянно общаясь с Л. К., я стала постепенно понимать, что «правильный и строгий карьерный сухарь», какой ее считали многие на факультете, на самом деле, благодаря своей «правильности», — существо чуткое, ранимое, доверчивое, и в партию она вступила во время войны отнюдь не ради карьеры, а под влиянием какого-то ей ведомого романтического импульса. Я поняла, в чем заключаются корни ее строгости к поступкам и поведению окружающих, — это прежде всего требовательность к самой себе, она от людей требовала того же, что от себя, ставила их всегда на один уровень с собой, и, быть может, в это и было больше человеколюбия, чем в моей обычной снисходительности, о чем мы не раз спорили.

Так и шла наша жизнь — от отдаленности к постепенному сближению. Впрочем, близкими подругами мы не стали — может быть потому, что круги общения у нас были разные: Л. К., в силу специальности, больше тяготела к дальневосточникам, а поскольку муж ее был старше на 8 лет и она сама возглавляла кафедру, то ее окружала более «взрослая» компания, те, кто кончили университет еще до войны. Я же — ближневосточник, к тому же у нас в компании был более молодой и менее ответственный народ. Но мы с Люсей искренне симпатизировали друг другу и, главное, друг другу доверяли. Когда мне, уже пенсионерке, лет 10 назад понадобились совет и помощь, я обратилась именно к Люсе, зная, что не услышу пустых посулов, а твердое «да» или: «нет, не смогу». И Люся помогла мне с завидной готовностью.

Последние несколько лет мы регулярно перезванивались уже без всякой надежды увидеться, и в наших спорах и в обсуждениях тех или иных событий, в стремлении поделиться своими новыми мыслями, почитать друг другу любимые стихи, рождалась та самая доброжелательная взаимная поддержка, которой порой так не хватает людям...

Из эпизодов моей прошлой жизни, связанных с Л. К., мне особенно запомнились два, и сейчас я их расскажу.

Середина или конец 60-х — словом, Брежневская эпоха. Мы с Люсей заняты изданием факультетской стенгазеты, причем Люся как партийный товарищ — ответственный редактор, а я член редколлегии. У нас в редколлегии есть один студент — хороший фотограф. Уж не помню, кому из нас пришла в голову мысль сделать фотоподборку «Восток в Ленинграде» — благо, памятников достаточно. Наш фотограф берется за дело и приносит нам снимки: сфинксы разных видов, буддийский храм, синагога, мечеть, фигурка Лао Цзы, еще что-то. Отводим под эту «выстав-

ку» целый лист и прикрепляем всю газету на стену. В тот же день один из наших коллег — преподавателей факультета, бдительный член университетского парткома, встречает Люсю и говорит ей:

— Что это ты разводишь в стенгазете сионистскую пропаганду?

— Какую пропаганду?

— А что, шестиконечная звезда на воротах синагоги — не символ сионизма?

— Для меня это не сионистский символ, а память о тех, которые гибли в фашистских газовых камерах!

Но этот правдивый и бесстрашный ответ не действует на бдительного члена парткома, он докладывает обстановку своим парткомовским боссам, те требуют газету к себе, приказ передают Люсе, и она, подчиняясь партийной дисциплине (с этим было строго!), посылает студентку — члена редколлегии снять газету и отнести в партком.

— Почему?- удивляется девочка.

— Там представлено много культовых памятников.

— А это хорошо или плохо?

Л. К. не хотела подымать шум, понимая всю абсурдность ситуации, может быть, даже мне не хотела ничего говорить, но... В этом же злосчастном номере газеты мы поместили стихотворение одного нашего первокурсника с призывом уйти от мира и погрузиться в Нирвану. Написано оно было в том же размере, что и юмористическое романсеро Козьмы Пруткова «Осада Памбы», но в серьезном тоне. Мы с Люсей, получив этот опус, много смеялись, и я тут же сочинила пародийный ответ в аналогичном размере, закончив цитатой из того же Козьмы Пруткова: «Подарить ему барана — он изрядно подшутил!»

Этот ответ мы собирались поместить в следующем номере стенгазеты, но сейчас Люсе срочно понадобился текст — на всякий случай взять с собой в партком, вдруг кто придерется к сомнительным стихам первокурсника, а у нас уже готов ответ для следующего номера. Но парткому было не до стихов: как реагировать на синагогу в контексте буддийского храма и мечети (это происходило еще до разгула исламского терроризма)? Вроде бы и невинно, но...Сионизм он в любом контексте сионизм. Не зная, что делать, газету отправляют выше — в райком. Там тоже пожимают плечами — как трактовать такую проблему?

А на факультете волнение. К Люсе и ко мне все время обращаются: почему сняли газету? Отвечаем честно: потому что там было изображение синагоги. Реакция в большинстве случаев — недоуменный встречный вопрос:

— Как? Разве там была синагога? А мы и не заметили...

Дальнейшая судьба газеты была такова: райком, не зная, что делать с ней, отправляет ее обратно в партком («пусть они и отвечают!»), и из парткома по той же причине на факультет («пусть они в случае чего сами и отвечают!»). Партбюро факультета, не углядев в газете никакого криминала, разрешает повесить ее вновь, а народ теперь уже разглядывает синагогу, все обращают на нее должное внимание и комментируют.

Другой случай, более серьезный. Прошло лет 25, мы с Л. К. уже немолодые, обе «остепененные» доктора наук. Как-то июньским вечером, часов в 9, звонит мне Люся. Тон какой-то растерянный, чуть ли не извиняющийся: «Понимаешь, мне даже неудобно к тебе обращаться, но положение безвыходное, не знаю, что делать». И рассказывает мне такую историю: приехала ее ученица не то из Бурятии, не то из Калмыкии, точно не помню. У нее на завтра назначена защита, все готово, но нет отзыва от первого оппонента, московского монголиста, она позвонила ему в Москву, он сказал, что болен и отзыва не подготовил. «Я понимаю, что это даже неприлично с моей стороны просить тебя меньше, чем за сутки. Но до каникул Ученый совет больше заседать не будет, а осенью она не сможет приехать, у нее будет ребенок». Я знаю, как Люся относится к своим ученикам, словно трепетная мать, она вникает во все их нужды, живет ими, несмотря на суровую внешность. Но не терпит недобросовестности, халтуры, очковтирательства; вообще, как мне говорил один ее ученик, она «учитель не только в специальности, но в жизненном поведении».

Я понимала, что отказом нанесла бы ей жестокую травму, но и без этого согласилась бы: мне было жалко девочку, а кроме того на согласие меня толкала присущая мне некоторая склонность к авантюризму, что Люсе было совсем не свойственно, поэтому понятно, как ей трудно было в этой ситуации обратиться ко мне с такой «противоестественной» просьбой. Все это быстро пронеслось в моем мозгу, и я сказала: «Да, конечно, пускай сейчас же привозит диссертацию, у меня в запасе сегодняшний вечер и завтра полдня».

Девочка привезла диссертацию и автореферат, и я принялась за дело. Допоздна читала работу — добротную, логично построенную, как все работы, проходящие Люсину апробацию, легла спать, и утром — Совет ведь только в 4 часа — написала свой вполне положительный отзыв и явилась на факультет во всеоружии, предварительно сообщив Люсе по телефону, что все в порядке. Это была еще докомпьютерная эпоха, и отзыв был написан от руки в одном экземпляре, его предстояло еще перепечатать на машинке.

Люся перед защитой информирует декана о смене первого оппонента, потом подходит ко мне:

— Михаил Николаевич просит передать тебе свою благодарность и просьбу, чтоб ты ни в коем случае не говорила, что работу получила только вчера вечером.

— Да что он думает, будто я полная идиотка!

И решила все-таки немного схулиганить. Идет защита. Мой черед выступать. Я выхожу на кафедру:

— Обычно оппоненты начинают отзыв с освещения достоинств работы, а потом переходят к недостаткам, я же начну с возражения автору диссертации.

И исподтишка наблюдаю. Декан бледнеет, брови у него ползут вверх, Люся смотрит на меня с недоумением и страхом, диссертантка лихорадочно хватается за карандаш. А я спокойненько продолжаю:

— Вот здесь, на странице такой-то, о возможности практического применения диссертации скромно говорится, что материал ее может быть использован в курсе истории монгольской литературы, но диссертантка неправa, значение ее работы много шире, потому что она касается общих вопросов обращения к исторической тематике в художественной литературе, возможных способов построения исторического романа в мировой литературе, соотношение в нем проблем прошлого и современности, взаимоотношения исторических личностей и вымышленных персонажей ...и еще что-то, не помню уже. Все это в диссертации было, но не так широковещательно изложено. Однако, дело сделано, симпатии Ученого совета на стороне руководителя и диссертантки, защита проходит великолепно.

Вечером мы празднуем успех, и девочки — не помню уж почему — меня спрашивают:

— Анна Аркадьевна, а Вы хотели бы вернуть молодость, чтобы Вам снова было двадцать лет?

Чуть задумавшись, отвечаю:

— Двадцать? Нет, не хотела бы, это было трудное для меня время, лучше сорок, когда я почувствовала себя человеком.

Люся, услышав это, встрепенулась:

— Да? Ты тоже предпочла бы сорок двадцати? И я чувствовала себя в сорок лучше, чем в двадцать.

Так неожиданно мы на этом и сошлись. Ох, оставаться бы навечно со-рокалетними.

Доктор филологических наук, профессор А. А. Долинина